

Книги Орхана Памука

Джевдет-бей и сыновья

Дом тишины

Белая крепость

Черная книга

Новая жизнь

Имя мне — Красный

Другие цвета

Снег

Стамбул. Город воспоминаний

Музей Невинности

Наивный и сентиментальный
писатель

Мои странные мысли

Рыжеволосая Женщина

Чумные ночи

Далекие горы и воспоминания

ОРХАН ПАМУК

ЧУМНЫЕ НОЧИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44
П 15

Orhan Pamuk
VEBA GECELERI
Copyright © 2021, Orhan Pamuk
Map © Orhan Pamuk
All rights reserved

Перевод с турецкого Михаила Шарова

Оформление обложки Владимира Гусакова

Памук О.

П 15 Чумные ночи : роман / Орхан Памук ; пер. с тур. М. Шарова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 736 с.
ISBN 978-5-389-33082-5

Орхан Памук — самый известный турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе. «Чумные ночи» — это историко-детективный роман, пронизанный атмосферой восточной сказки; это роман, сочетающий в себе самые противоречивые темы: любовь и политику, религию и чуму, Восток и Запад. Место действия книги — небольшой средиземноморский остров, на котором проживает как греческое (православное), так и турецкое (исламское) население. Спокойная жизнь райского уголка нарушается с приходом страшной болезни — чумы. Для ее подавления, а также с иной, секретной миссией на остров прибывает врач-эпидемиолог со своей женой, племянницей султана Абдул-Хамида Второго. Однако далеко не все на острове готовы следовать предписаниям врача и карантинным мерам, ведь на все воля Аллаха и противиться этой воле может быть смертельно опасно...

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44

© М. С. Шаров, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-33082-5

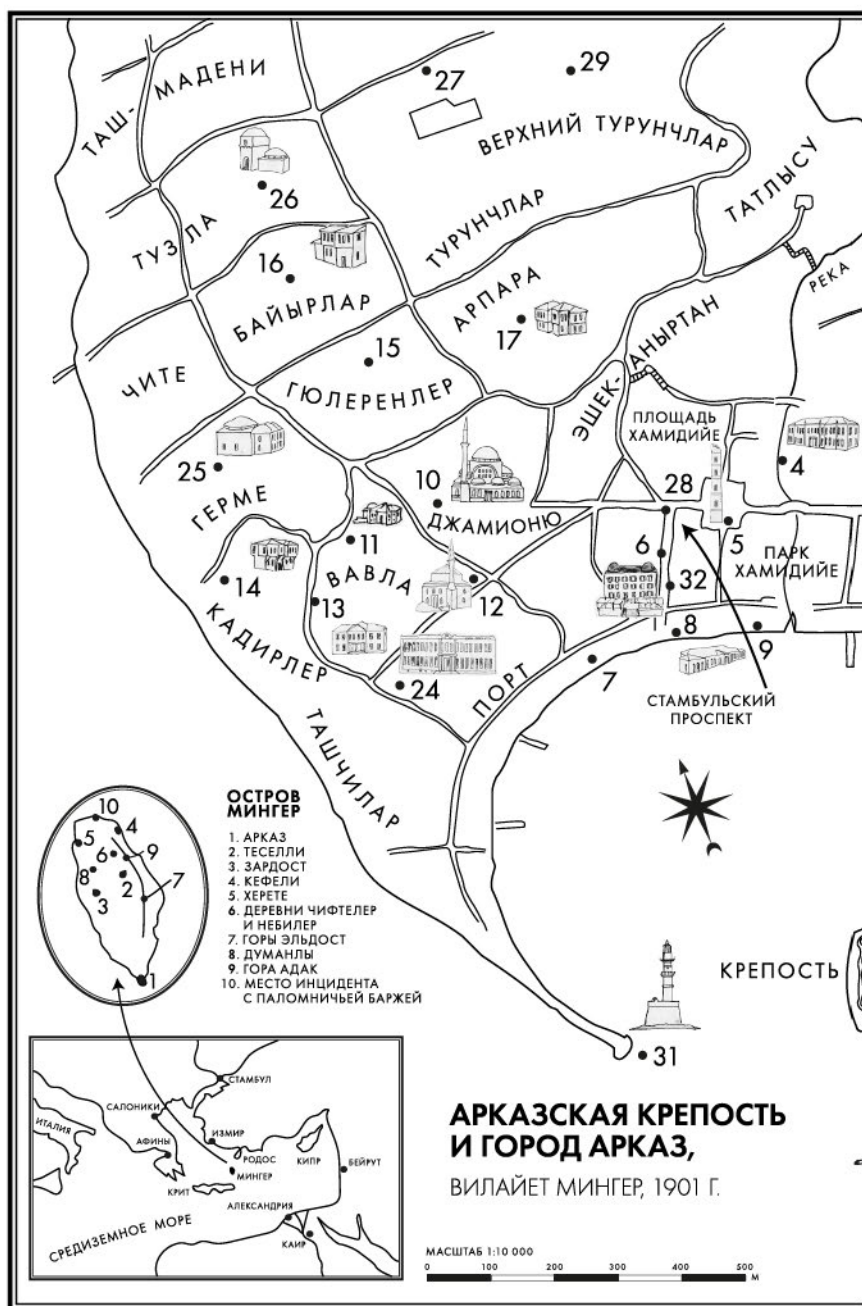
При приближении опасности всегда два голоса одинаково сильно говорят в душе человека: один весьма разумно говорит о том, чтобы человек обдумал самое свойство опасности и средства для избавления от нее; другой еще разумнее говорит, что слишком тяжело и мучительно думать об опасности, тогда как предвидеть все и спастись от общего хода дела не во власти человека, и потому лучше отвернуться от тяжелого, до тех пор пока оно не наступило, и думать о приятном.

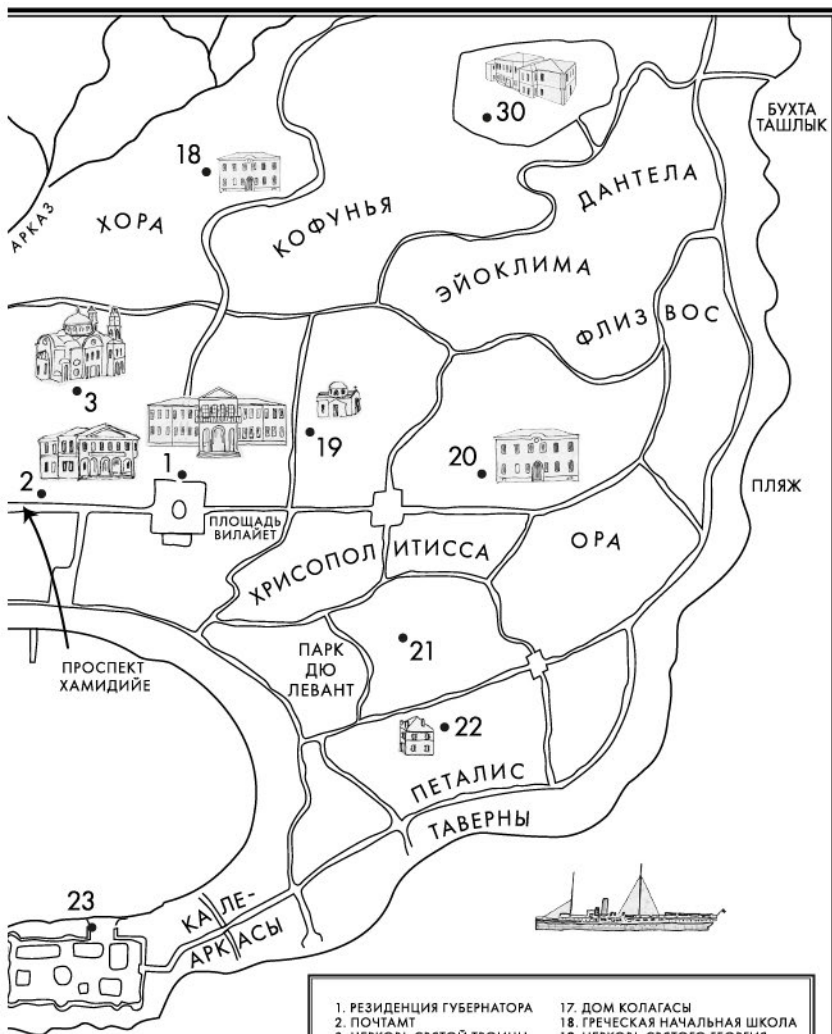
Лев Толстой. Война и мир

Ни один писатель последующей эпохи не ставил себе задачей изучить и сравнить эти мемуары, чтобы составить из них непрерывную цепь событий, последовательную историю этой чумы.

Алессандро Мандзони. Обрученные¹

¹ Перевод Н. К. Георгиевской. — Здесь и далее примечания перев.

1. РЕЗИДЕНЦИЯ ГУБЕРНАТОРА	17. ДОМ КОЛАГАСЫ
2. ПОЧТАМТ	18. ГРЕЧЕСКАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА
3. ЦЕРКОВЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ	19. ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ
4. ГРЕЧЕСКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА	20. БОЛЬНИЦА ТЕОДОРОПУЛОСА
5. НЕДОСТРОЕННАЯ ЧАСОВАЯ БАШНЯ	21. ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО АНТОНИЯ
6. ОТЕЛЬ «СПЛЕНДИД ПАЛАС»	22. ДОМ МАРИКИ
7. СТОЯНКА ИЗВОЗЧИКОВ	23. ИЗОЛЯТОР
8. ТАМОЖНЯ	24. ВОЕННАЯ ШКОЛА
9. КАРАНТИННАЯ СТАНЦИЯ	25. ТЕККЕ ХАЛИФИЙЕ
10. НОВАЯ МЕЧЕТЬ	26. ТЕККЕ ЗАИМЛЕР
11. ТЕККЕ РИФАИ	27. НОВОЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ
12. МЕЧЕТЬ СЛЕПОГО МЕХМЕДА-ПАШИ	28. КОНДИТЕРСКАЯ ЗОФИРИ
13. БОЛЬНИЦА «ХАМИДИЕ»	29. ОГНЕВАЯ ЯМА
14. ТЕККЕ КАДИРИ	30. ГАРНИЗОН
15. ТЕККЕ ВЕКТАШИ	31. АРАБСКИЙ МАЯК
16. ДОМ ЗЕЙНЕП	32. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО «МЕССАЖЕРИ МАРИТИМ»

Предисловие

Эта книга — исторический роман, но одновременно и написанное в форме романа историческое исследование. Повествуя о самых тревожных и насыщенных событиями шести месяцев, которые когда-либо случалось переживать жителям острова Мингер, этой жемчужины Восточного Средиземноморья, я присовокупила к рассказу и некоторые сведения об истории моей родины, которую я так люблю.

Я занималась исследованием эпидемии чумы 1901 года и в какой-то момент почувствовала, что, для того чтобы понять мотивы поступков некоторых людей в тот короткий, но полный драматических событий период, сухой исторической науки недостаточно — необходимо воспользоваться средствами художественной литературы. Так я и сделала — попыталась соединить историю с литературой.

Но пусть читатель не думает, будто к работе меня подвигли мысли о высокой литературе. Началось все с того, что в руки мои попали письма — письма, настолько замечательные, что мной овладело желание написать о них. Мне поручили подготовить к печати и прокомментировать 113 писем Пакизе-султан, третьей дочери Мурада V¹, отправленных ею в 1901–1913 годах старшей сестре Хатидже-султан. Роман, к чтению которого вы приступаете, изначально замышлялся как предисловие научного редактора.

¹ Мурад V (1840–1904) — 33-й султан Османской империи, правивший несколько месяцев в 1876 году.

Предисловие разрасталось, наполнялось подробностями, почерпнутыми мною за время моих штудий, и в конце концов превратилось в книгу, которую вы держите в руках. Должна признаться, что прежде всего я была очарована личностью милой и необычайно чувствительной Пакизе-султан, ее стилем и умом. Она обладала столь редким — как среди историков, так и среди романистов — талантом рассказчика, интересом к подробностям и желанием поделиться с читателем тем, что знает и чувствует. Я провела немало лет, изучая в английских и французских архивах донесения консулов, работавших в портовых городах Османской империи, написала на этом материале докторскую диссертацию и несколько монографий. Ни один из этих людей не передал схожие события, дни чумы или холеры, с такой глубиной и блеском, как это сделала Пакизе-султан; ни в одном из их донесений не чувствуется столь явственно атмосфера османского порта, заставляя читателя узреть воочию краски восточного базара, услышать крики чаек и скрип тележных колес. Должно быть, именно полный жизни рассказ дочери султана, удивительно восприимчивой к людям, явлениям и событиям, навел меня на мысль превратить предисловие в роман.

Читая ее письма, я задавалась вопросом: не потому ли Пакизе-султан описала события ярче и подробнее всех историков и иностранных консулов, что была женщиной? Не будем забывать, что в дни чумы она почти не выходила из своей комнаты в гостевых покоях резиденции губернатора и о происходящем в городе знала из рассказов мужа-доктора. Пакизе-султан не только воссоздала в письмах мир мужчин, политиков, чиновников и врачей, но и смогла представить себя на их месте. Вот и я, работая над своим романом-хроникой, старалась воскресить для читателя этот мир. Разумеется, быть такой же открытой, яркой и жадной до жизни, как Пакизе-султан, очень непросто.

Замечательные ее послания, которые, будучи опубликованы, составят том не менее чем в шестьсот страниц, увлекли меня, конечно, и потому еще, что сама я провела детство

на острове Мингер. Девочкой я встречала имя Пакизе-султан в школьных учебниках, газетных статьях и горячо любимых еженедельных журналах для детей («Наш остров» и «Увлекательная история»), где печатались героические сказки и комиксы, и чувствовала к ней какое-то особенное расположение. И если многим Мингер представляется таинственным островом из сказок и легенд, то для меня таким же сказочным ореолом всегда была окружена Пакизе-султан. И когда в руки мои неожиданно попали ее письма, открыв мне повседневные заботы и подлинные чувства моей сказочной героини, я была очарована силой ее личности и искренностью. Добравшись до конца книги, терпеливый читатель увидит, что мне суждено было познакомиться с ней и по-настоящему.

В реальности мира из писем я уверилась, еще когда работала в стамбульских, мингерских, английских архивах, читала документы и мемуары того времени. Однако, взявшись за написание исторического романа, я не могла отделаться от ощущения, что порой отождествляю себя с Пакизе-султан и словно бы рассказываю историю своей собственной жизни.

Мастерство писателя определяется тем, насколько он способен рассказывать о пережитом как о случившемся с кем-то другим, а чужой опыт описывать как собственный. Поэтому мне легко было поверить, что, представляя себя дочерью султана, я поступаю так, как положено писателю. Куда сложнее было представить себя на месте облеченных властью мужчин, пашей и врачей, руководивших борьбой с эпидемией.

Поскольку роман и формой своей, и духом похож скорее на историю, в которой действует множество людей, нежели на рассказ об одном человеке, происходящие в нем события должны быть показаны с самых разных точек зрения. С другой стороны, великий романист Генри Джеймс, в котором женского было больше, чем во всех других писателях, полагал — и я с ним согласна, — что для пущей убедительности

все события во всех их подробностях читатель должен видеть глазами одного героя.

Однако я писала не просто роман, но роман-исследование и потому частенько не то что не следовала этому правилу, а шла вопреки ему. То в самых драматических местах принималась знакомить читателя с цифрами, историческими фактами и сведениями. То, описывая сложные переживания одного героя, перескакивала на мысли другого, о которых первый не знал и знать не мог. А то пускалась в рассуждения о том, будто свергнутый с трона султан Абдул-Азиз¹, по убеждению многих, покончил жизнь самоубийством, хотя нисколько не сомневаюсь, что это было убийство. Словом, я старалась взглянуть на яркий мир, изображенный в письмах Пакизе-султан, глазами некоторых других его обитателей, чтобы придать книге исторической объективности.

Как попали ко мне эти письма? Почему я не опубликовала их, прежде чем браться за роман? Насколько серьезно воспринимаю я детективную линию сюжета? Эти вопросы мне задавали очень часто, но здесь я отвечу лишь на последний из них. Надо сказать, что идею романа поддержали мои коллеги-историки, которым я рассказывала об убийствах, упоминавшихся в письмах, и о страсти султана Абдул-Хамида² к романам. Ободрил меня также интерес, который проявило к идее детектива и к истории маленького острова Мингер такое уважаемое издательство, как «Кембридж юниверсити пресс». Разумеется, тайны и значение чудесного мира, который я много лет с великим наслаждением старалась воссоздать, куда глубже и важнее, чем ответ на вопрос о том, кто убийца. Этот ответ может быть, самое большее, знаком, подсказкой. Интерес к детективной линии превратит всю книгу, начиная со слов величайшего исторического романиста Толстого в эпиграфе и этого предисловия, в целое море подсказок.

¹ Абдул-Азиз (1830–1876) — 32-й султан Османской империи, правивший в 1861–1876 годах.

² Абдул-Хамид II (1842–1918) — 34-й султан Османской империи, правивший в 1876–1909 годах.

Некоторые критиковали меня за то, что я слишком много полемизирую с популярными и официально признанными историками (хотя и не упоминаю их имен). Возможно, эти упреки справедливы. Но сделала я это потому, что отношусь к популярным и любимым читателями историческим книгам очень серьезно.

В предисловии к каждой книге, посвященной истории Востока, Леванта¹ и Восточного Средиземноморья, затрагиваются вопросы передачи букв древних алфавитов с помощью латиницы. Я рада, что мой роман не пополнил ряды этих скучных сочинений. Впрочем, мингерский язык и мингерский алфавит не похожи ни на какие другие! Некоторые местные топонимы я передавала по буквам, как они пишутся, другие — по звукам, как они слышатся. То обстоятельство, что один из мингерских городов называется совсем как город в Грузии, объясняется простым совпадением. Однако если многое в моей книге покажется вам смутно знакомым, словно давние, полузабытые воспоминания, — знайте, что это не случайность. Так и было задумано.

*Мина Мингерли
Стамбул, 2017*

¹ *Левант* — общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирии, Ливана, Палестины, Израиля, Иордании, Египта, Турции и др.).

Глава 1

В 1901 году пароходу, отправляющемуся из Стамбула, нужно было четыре дня, пылая черным угольным дымом, идти на юг, а затем, миновав Родос, еще полдня продвигаться по опасным и бурным южным водам в сторону Александрии, и только тогда взору пассажиров являлись стройные башни Арказской крепости на острове Мингер. Поскольку остров лежал на линии, соединяющей Стамбул и Александрию, таинственный силуэт крепости могли с восхищением и любопытством наблюдать издали пассажиры многих пароходов. Порой какой-нибудь капитан, натура утонченная, приметив на горизонте волшебное зрелище, «алмаз зеленый в розовой оправе» (Гомер, «Илиада»), приглашал пассажиров на палубу насладиться видом Мингера, и художник, отправляющийся в путешествие по Востоку, торопился запечатлеть романтический пейзаж, украсив его грозowymi тучами.

Но лишь немногие корабли приставали к острову. В те времена только три парохода совершали еженедельные рейсы на Мингер: «Сахалин», чей пронзительный гудок был знаком каждому жителю острова, «Экватор», обладающий голосом более басовитым (оба принадлежали компании «Мессажери маритим»¹), и «Зевс», изящное судно критской компании «Пантелеймон», подававшее сигнал очень редко

¹ «Мессажери маритим» — французская пароходная компания, основанная в 1851 году императором Наполеоном III.

и коротко. Поэтому прибытие 22 апреля 1901 года, когда начинается наш рассказ, за два часа до полуночи, парохода, не предусмотренного расписанием, было чем-то из ряда вон выходящим.

Остроносый корабль с тонкой белой трубой, который тихо, словно согляда тай, приближался к Мингеру с севера, носил название «Азизийе» и плыл под флагом Османской империи. На его борту находилась делегация высокопоставленных сановников, которую султан Абдул-Хамид II отправил в Китай с весьма важной миссией. Семнадцать человек в фесках, кавуках¹ и шляпах, религиозные деятели, военные, чиновники и переводчики. В последний момент Абдул-Хамид повелел включить в делегацию свою племянницу Пакизе-султан, которую недавно выдал замуж, и ее супруга, дамат² доктора Нури. Счастливые, взволнованные и немного растерянные новобрачные так и не смогли понять, зачем их отправляют в Китай, хотя много об этом говорили друг с другом.

Пакизе-султан, как и ее старшие сестры, не любила своего дядю и была уверена, что Абдул-Хамид включил их с мужем в делегацию с какой-то тайной, дурной целью. Но в чем состояла эта цель, ей пока было невдомек. В те дни некоторые дворцовые сплетники утверждали, будто султан отправляет новобрачных подальше из Стамбула, чтобы они сгинули где-нибудь на просторах Азии или в аравийских пустынях от желтой лихорадки либо холеры. Другие же напоминали, что целей Абдул-Хамида нипочем не уяснишь до завершения затеянной им игры. Дамат Нури был настроен более благодушно. К своим тридцати восьми годам он успел прославиться как блестящий врач-эпидемиолог. Ему не раз случалось представлять Османскую империю на международных медицинских конференциях. Благодаря успехам, достигнутым им в своей области врачебного дела, его имя стало из-

¹ *Кавук* — традиционный головной убор, на который наматывалась чалма.

² *Дамат* (букв. зять) — титул, присваивавшийся в Османской империи мужчинам, женившимся на родственницах султана.

вестно Абдул-Хамиду, и тот пожелал познакомиться с доктором. Пообщавшись с султаном, Нури-бей удостоверился в том, что знали многие его коллеги: интерес повелителя Османской империи к успехам европейской медицины не уступал его любви к детективным романам. Султан внимательно следил за последними достижениями в области микробиологии и вакцинации и желал применять новшества на практике в Стамбуле и на всех подвластных ему землях. Кроме того, узнал доктор Нури, Абдул-Хамид осведомлен, что из Азии, из Китая на Запад проникают новые заразные болезни, и весьма этим обеспокоен.

В Восточном Средиземноморье царил штиль, и «Азизийе», прогулочный пароход султана, продвигался на юг быстрее, чем ожидалось. По пути он зашел в Измир¹, хотя эта остановка и не значилась в заранее объявленном маршруте. Пока пароход приближался к окутанной легким туманом пристани, члены делегации один за другим поспешили по узкому трапу на капитанский мостик, желая узнать причину задержки, и выяснилось, что «Азизийе» должен принять на борт таинственного пассажира. Капитан, русский моряк на службе у османского султана, утверждал, будто и сам не знает, что за человека должен забрать в Измире.

А загадочным пассажиром был главный санитарный инспектор империи, знаменитый химик и фармацевт Бонковский-паша. Этот уже утомленный жизнью, но все еще подвижный шестидесятилетний человек, главный фармацевт султана, заложил основы современного аптекарского дела в Османской империи. В прошлом он с переменным успехом занимался коммерцией: изготавливал розовую воду и духи, продавал минеральную воду в бутылках, владел несколькими фармацевтическими компаниями. В последние же десять лет сосредоточился на государственной службе: возглавлял санитарную инспекцию империи, готовил для Абдул-Хамида доклады о распространении холеры и чумы и неустанно

¹ Измир — крупный порт на западном побережье полуострова Малая Азия.

ездил из города в город, из порта в порт, от одного очага эпидемии к другому, чтобы от имени султана надзирать за соблюдением необходимых карантинных и санитарных мер.

Бонковский-паша много раз участвовал в международных эпидемиологических конгрессах. За четыре года до описываемых событий он подал султану Абдул-Хамиду «записку» о мерах, которые надлежит принять империи для искоренения пришедшей с Востока чумы. Затем был отправлен в Измир, дабы погасить вспышку чумы в греческих кварталах города. Да, в Османскую империю, измученную эпидемиями холеры, уже занесли с Востока новую заразу — чумную палочку, свирепость которой («вирулентность», как говорили ученые доктора) то усиливалась, то слабела.

Бонковский-паша покончил с эпидемией чумы в Измире, самом большом османском порту Восточного Средиземноморья, за шесть недель. Сделать это удалось потому, что горожане подчинились требованию не покидать дома, не нарушали санитарных кордонов, охотно соблюдали все запреты и помогали городским властям и полиции уничтожать крыс. Весь город пропах дезинфектантами, которыми пожарные поливали улицы из шлангов. Газеты — не только местные «Ахенк» и «Амальтея» и стамбульские «Терджу-ман-и Хакикат» и «Икдам», но также французские и английские, — следившие за шествием чумы из одного портового города в другой, посвящали успехам карантинной службы Османской империи хвалебные статьи. Доктор Бонковский, поляк, родившийся в Стамбуле, был известен в Европе и пользовался там уважением. Унеся жизни семнадцать человек, чума отступила. В Измире вновь открылись причалы, набережные, таможни, лавки и базары, возобновились занятия в школах.

Высокопоставленные пассажиры парохода «Азизийе», наблюдавшие с палубы и из иллюминаторов своих кают, как паша (это звание султан Абдул-Хамид присвоил главному фармацевту пять лет назад) и его помощник поднимаются на борт, знали об успехах карантинных и санитарных мер,

принятых в Измире. Станислав Бонковский был одет в дождевик неразличимого по ночному времени цвета и пиджак, не совсем удачно сидящий на высокой сутулой фигуре, а в руке держал знакомый всем его ученикам светло-серый портфель, который вот уже тридцать лет всюду таскал с собой. Его помощник, доктор Илиас, тащил сундук с переносной лабораторией, позволявшей везде, куда бы ни отправился Бонковский-паша, распознавать холерные эмбрионы и чумные палочки, отличать загрязненную воду от питьевой в любом уголке империи. Не поздоровавшись с любопытными пассажирами «Азизийе», их новые попутчики прошли в свои каюты.

Необщительность и отстраненность вновь прибывших еще сильнее разожгли любопытство членов делегации. В чем причина такой скрытности? Зачем султан отправил в Китай на одном корабле сразу двух лучших в Османской империи специалистов по чуме и эпидемиям? (Вторым был дамат Нури.) Однако вскоре любопытные пассажиры узнали, что Бонковский-паша и его помощник не едут в Китай, а по пути к Александрии сойдут на острове Мингер, и вернулись к своим делам. За предстоящие три недели им надлежало обсудить, как именно следует толковать об исламе с китайскими мусульманами.

О том, что в Измире на пароход сел Бонковский-паша, который держит путь на Мингер, дамат Нури узнал от жены. Оба они были знакомы с пашой, хотя познакомились с ним в разное время и при разных обстоятельствах, оба любили его и потому были рады его соседству. В последний раз доктор Нури виделся с коллегой, который был двадцатью с лишним годами старше его, на Венецианской санитарной конференции. Но дороги их пересеклись еще в те времена, когда юный Нури учился в Военно-медицинской школе, а Бонковский преподавал ему химию. Подобно многим другим студентам, Нури благоговел перед учителем, получившим образование в Париже, и с величайшей охотой посещал его занятия в химической лаборатории, а позже — лекции по

органической и неорганической химии. Все студенты-медики восхищались разносторонностью Бонковского, который своим интересом к великому множеству предметов напоминал человека Возрождения, его чувством юмора и тем, что помимо разговорного турецкого он в совершенстве знал еще три европейских языка. Происхождения он был, как уже упоминалось, польского, хотя и родился в Стамбуле: его отец, как многие другие офицеры, принимавшие участие в разгромленном восстании поляков против Российской империи, отправился в изгнание и поступил на службу в османскую армию.

Что же до Пакизе-султан, то ей радостно было вспомнить, как она виделась с Бонковским в детстве и юности. Одиннадцать лет назад во дворце, где жила, как в тюрьме, ее семья, распространилась болезнь, от которой слегли в мучительном жару и мать Пакизе, и другие обитательницы гарема. Султан Абдул-Хамид, решив, что причиной повальной хвори стал какой-то микроб, отправил во дворец своего главного фармацевта — взять у больных анализы. В другой раз Бонковский-паша посетил дворец Чыраган, когда ему было поручено проверить воду, которую каждый день пили Пакизе-султан и ее семья. Абдул-Хамид держал своего старшего брата, свергнутого султана Мурада V, под стражей во дворце Чыраган, следил за каждым его шагом, но, стоило тому заболеть, посылал к нему лучших врачей. В детстве Пакизе-султан не раз видела в покоях дворца, в том числе и в гареме, чернобородого грека Марко-пашу, главного врача отцовского дяди, убитого заговорщиками султана Абдул-Азиза, и лейб-медика самого Абдул-Хамида, Маврояни-пашу.

— Несколько лет спустя я встретила доктора Бонковского во дворце Йылдыз¹, — сказала Пакизе-султан. — Он брал там пробы воды и писал об этом доклад. Увы, он лишь издаleка улыбнулся нам с сестрами и не стал рассказывать увлекательные истории и мило шутить, как бывало в нашем детстве.

¹ Дворец Йылдыз — резиденция султана Абдул-Хамида II.

Встречи дамата Нури с главным фармацевтом султана носили куда более официальный характер. На Венецианской конференции трудолюбие и опыт Нури-бей произвели впечатление на его старшего коллегу.

— Возможно, именно Бонковский-паша был одним из тех, кто хвалил меня как хорошего эпидемиолога в разговорах с султаном, — взволнованно сказал доктор Нури жене и напомнил ей, что их с пашой пути сходились и после того, как он, Нури, окончил Военно-медицинскую школу и стал врачом.

Однажды по поручению Блака-бей¹ они проверяли санитарное состояние скотобоев, размещавшихся прямо на стамбульских улицах. В другой раз Нури-бей с несколькими врачами и студентами помогал Бонковскому подготовить доклад о топографических и геологических особенностях озера Теркос², для чего, в частности, требовалось провести микробиологический анализ озерной воды, и снова был восхищен умом, работоспособностью и трудолюбием масти-того ученого. Обменявшись приятными воспоминаниями, супруги поняли, что им хочется снова увидеться со старым знакомым.

¹ *Эдуар Блак* (1824–1895) — османский дипломат французского происхождения. В конце жизни был главой муниципалитета стамбульского района Пера (современный Бейоглу).

² *Теркос* (Дурусу) — озеро в 45 километрах к северо-западу от Стамбула.

Глава 2

Через стюарда дамат Нури передал паше записку, и вечером капитан устроил для них ужин в каюте, которую на «Азизийе» называли салоном. Ни вина, ни иных спиртных напитков не подавали. Присоединилась к трапезе и Пакизе-султан, которая обычно не показывалась на глаза пассажирам и ела у себя в каюте. Напомним, что в те времена женщина, будь она даже дочерью султана, чрезвычайно редко садилась за один стол с мужчинами. Все увиденное и услышанное в тот вечер Пакизе-султан позже изложила в письме старшей сестре, благодаря чему сегодня мы знаем все детали исторического ужина.

Бонковский, бледный, с небольшим, аккуратным носом и огромными голубыми глазами, навсегда запоминавшимися всем, кто хоть раз с ним встречался, при виде доктора Нури поспешил заключить в объятия бывшего студента. Затем он церемонно, словно принцессе, принимающей его в каком-нибудь европейском дворце, поклонился Пакизе-султан, но, не желая смутить, даже не прикоснулся к ее руке. Одеваясь к ужину, главный санитарный инспектор, верный европейскому этикету, надел орден Святого Станислава второй степени, полученный от русского царя, и любимую османскую награду, золотую медаль «За отличие».

— Дорогой учитель, — заговорил доктор Нури, — позвольте мне выразить свое восхищение вашими успехами в Измире.

ОРХАН ПАМУК

ЧУМНЫЕ НОЧИ

Ответственный редактор Кирилл Красник

Редактор Татьяна Филатова

Художественный редактор Владимир Гусаков

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Светланы Шведовой

Корректор Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.06.2026.

Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 42,78. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-OPB-42429-01-R